

Чѣмъ старѣе дерево, тѣмъ больше падаетъ съ него листьевъ. Завѣщая по «†» моей перепечатывать весь аналогичный и продолжающій «Уедин.» и «Опав. листья» книги въ томъ непременно видѣ, какъ напечатаны онѣ (т. е. съ новой страницы каждый новый текстъ), я, въ цѣляхъ компактности и, слѣд., ускоренія печатанія «павшихъ листовъ», отступаю отъ прежней формы, съ крайнимъ удрученіемъ духа.

«Опав. листья» изд. 1913 г. представляютъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ того, что записалось за 1912 г., причемъ печатались они въ такомъ состояніи духа, что я ихъ почти не приводилъ въ порядокъ хронологически. Такъ, все помѣченное «Книжка Елены Павловны» — относится къ октябрю, ноябрю и декабрю мѣсяцѣмъ, — и должно быть отнесено въ конецъ изданія за этотъ годъ. Вообще же печатающееся нынѣ должно быть какъ-бы «стасовано» («тасуемъ карты») съ изданнымъ въ 1913 году, — листокъ за листомъ, — и, во всякомъ случаѣ, не въ томъ порядкѣ и видѣ, какъ было издано въ 1913 г.

Во 2-мъ коробѣ листы лежатъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, насколько это можно было возстановить по попыткамъ и по памяти.

Самая почва «нашего времени» испорчена, отравлена. И всякій дурной корень она жадно хватается и произращает изъ него обильнѣйшіе плоды. А добрый корень умерщвляетъ.

(смотря на портретъ Страхова: почему изъ «сочиненій Страхова» ничего не вышло, а изъ «сочиненій Михайловскаго» вышли школьные учителя, Тверское земство и множество добросовѣстно работающихъ, а частью только болтающихъ, лекарей).

Страшная пустота жизни. О, какъ она ужасна...

Теперь въ новыхъ печкахъ повернулъ ручку въ одну сторону — труба открыта, повернулъ въ другую сторону — труба закрыта.

Это не благочестиво. Потому что вѣтъ разума и заботы.

Прежде, возьмешь маленькую вьюшку — и надо ее не склонить ни вправо, ни влево — и она ляжетъ разомъ и пріятно. Потомъ большую вьюшку, — и она покроетъ ее, какъ шапка.

Это правпльно.

Разъ я видѣлъ новое жнптво: не мужикъ, а рабочій сидѣлъ въ чемъ-то, ни — телѣга, ни — другое что, ее тянула пара лошадей; колымага колыхалась, и мужикъ въ ней колыхался. А справа и слѣва отъ колымаги, какъ клешни, вскидывались кверху не то кóсы, не то грабли. И дѣлали дѣло, не спору — за двѣнадцать дѣвушекъ. Только дѣвушки-то эти теперь сидѣли съ молодцами за лѣскомъ и финтили. И сколько имъ ни нарабoтаетъ рабочій съ клешнями, онѣ все профинтятъ.

Выйдутъ замужъ — и профинтятъ муж-нее.

Мужъ, видя, что жена финтитъ — завелъ себѣ на сторонѣ «зазнобушку».

И повалилось хозяйство.

И повалилась деревня.

А когда деревни повалились — зачернѣлъ и городъ.

Потому что не стало головы, разума и Бога.

Несутъ письма, какіе-то теософическіе журналы (не выписываю). Какое-то «Таро»... Куда это? зачѣмъ мнѣ?

«Прочти и загляни».

Да почему я долженъ во всѣхъ васъ заглядывать?

То знаніе цѣнно, которое острой иглой прочертило по душѣ. Вялыя знанія — безцѣнны.

(на подажмой почтовой квитанціи).

Съ выпученными глазами и облизывающійся—вотъ я.

Некрасиво?

Что дѣлать:

...иногда кажется, что во мнѣ происходитъ разложенеіе литературы, самаго *существа* ея. И, можетъ быть, это есть мое міровое «*emploi*». Тутъ и моя (особая) мораль, и имморальность. И вообще мои дефекты и качества. Иначе, нельзя понять. Я ввелъ въ литературу самое мелочное, ми-молетное, невидимыя движенія души, паутинки быта. Но вообразить, что это было возможно потому, что «я захотѣлъ», никакъ нельзя. Сущность гораздо глубже, гораздо лучше, но и гораздо страшнѣе (для меня): безгранично страшно и грустно. Конечно, не бывало еще примѣра, и повторенеіе его немыслимо въ мірозданіи, чтобы въ тотъ самый мигъ, какъ слезы текутъ, и душа разрывается—я почувствовалъ не ошибающимся ухомъ слушателя, что онѣ те-

кутъ литературно, музыкально, «хоть записывай»: и вѣдь только потому я записывалъ («Уединенное»,—дѣвочка на вокзалѣ, вентиляторъ). Это такъ чудовищно, что Неронъ бы позавидовалъ; и «простимо» лишь потому, что фатумъ. Да и простимо-ли?.. Но оставимъ грѣхи; такимъ образомъ явно во мнѣ есть какое-то завершеніе литературы; литературности; ея существа,—какъ потребности отразить и выразить. Больше чѣмъ-же еще выражать? Паутины, вздохи, *последнее уложимое*. О, фантазировать, творить еще можно: но вѣдь суть литературы не въ *вымыслъ-же*, а въ потребности *сказать сердце*. И вотъ съ этой точки я кончаю и кончилъ. И у меня мелькаетъ странное чувство, что я *последній* писатель, съ которымъ литература вообще прекратится, кромѣ хлама, который тоже прекратится скоро. Люди станутъ просто *жить*, считая смѣшнымъ и ненужнымъ, и отвратительнымъ литераторствовать. Отъ этого, можетъ быть, у меня и сознаніе какого-то «последняго несчастія», сливающегося въ моемъ чувствѣ съ «я». «Я» это ужасно, гадко, огромно, трагично последней трагедіей: ибо въ немъ какъ-то діалектически «разломилось и исчезло» колоссальное тысячилѣтнее «я» литературы.

— Фу, гадъ! Исчезни и пропади!

Это частое мое чувство. И какъ тяжело съ нимъ жить.

(дожидаясь очереди пройти исповы-
ваться). (1-ая гимназія).

Какіе добрые бываютъ (иногда) попы. Иванъ Павлинычъ взялъ подъ мышку мою голову, и, дотронувшись пальцемъ до лба, сказалъ:—«Да и что мы можемъ знать съ нашей черепушкой»? (мозгомъ, разумомъ, черепомъ). Я ему сказалъ разные экивоки и «сомнѣнія» за годы Рел.-фил. собраній. И такъ сладко было у него поцѣловать руку. Исповѣдывалъ кратко. Ждутъ. Служба и доходы. Такъ «быть» мѣшается съ небеснымъ глаголомъ,—и не забывай о бытѣ, слушая глаголъ, а, смотря на быть, вспомни, что ты, однако, слышалъ и глаголы. Но Слободской—глубоко безкорыстенъ. Спасибо ему. Милый. Милый и умный (очень).

Есть люди, которые рождаются «ладно»,
и которые рождаются «не ладно».

Я рожденъ «не ладно»: и отъ этого такая странная, колючая біографія, но довольно любопытная.

«Не ладно» рожденный человекъ всегда чувствуетъ себя «не въ своемъ мѣстѣ»: вотъ, именно, какъ я всегда чувствовалъ себя.

Противоположность—бабушка (А. А. Руднева). И ея благородная жизнь. Вотъ кто родился... «ладно». И въ бѣдности, ничтожествѣ положенія — какой непрерывный свѣтъ отъ нея. И польза. Отъ меня, я думаю, никакой «пользы». Отъ меня—«смута».

Я могъ-бы наполнить багровыми клубами дыма міръ... Но не хочу.

[«Люди луннаго свѣта» (если-бы настаивать); 22 марта 1912 г.].

И сгорѣло-бы все... Но не хочу.

Пусть моя могилка будетъ тиха и «въ сторонкѣ».

(«Люди лун. св.», тогда-же).

Работа и страданіе—вотъ вся моя жизнь. И утѣшеніемъ — что я видѣлъ заботу «друга» около себя.

Нѣтъ: что я видѣлъ «друга» въ самомъ себѣ. «Портретное» превосходило «работное». Она еще болѣе меня страдала и еще больше работала.

Когда рука уже висѣла,—въ гнѣвѣ на недвижность (весна 1912 года), она остановилась среди комнаты—нѣсколько разъ взмахнула обѣими руками: правая дѣлала полный оборотъ, а лѣвая—поднималась только на небольшую дугу, и со слезами стала выкрикивать, какъ-бы топя на больную руку:

— Работай! Работай! Работай! Работай!
У ней было все лицо въ слезахъ. Я замеръ. И въ восторгѣ, и въ жалости.

(лѣвая рука имѣетъ жизнь только въ плечъ и локтъ).

«Ты тронь *кожу* его», — искушалъ Сатана Господа объ Іовѣ...